РУССКАЯ БЕСѢДА

МОСКВА.

1857

II.

Во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, гдѣ принимается подписка на Русскую Бесѣду, поступила въ продажу новая книга:

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ ВОЗМУЩЕНІЯ

СТЕНЬКИ РАЗИНА.

Москва. 1857. Цѣна 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 50 к.

Иногородные благоволятъ адресоваться съ высылкою денегъ въ Москву, въ Редакцію Русской Бесѣды.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Черная Рада, хроника 1663 года, *П. А. Кулиша* 1
Картины изъ русскаго быта, *В. И. Даля.* 109
Стихотворенія: *Ѳ. И. Тютчева.* 143
Съ сѣвера на югъ, *А. И. Одоевскаго.* 145
Бывало, *М. П.* 145
Молодая Бреда, *В. В.* 147
Сербская пѣсня, *В. В.* 152

НАУКИ.

Вѣра, отрывокъ изъ Философскаго лексикона, *N.* . . . 1
Исторія возмущенія Стеньки Разина (*окончаніе*), *А. И. Попова.* 19

КРИТИКА.

Церковно-славянскій словарь А. Х. Востокова, *П. И Срезневскаго.* 1
О сочиненіяхъ Монталамбера и Токвиля, кн. *В. А. Черкасскаго.* 23
Критическія замѣчанія на сочиненіе г. Чичерина: Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ (*окончаніе*), *И. И. Крылова.* 89

ОБОЗРѢНІЕ.

Тройственный союзъ 15 Апрѣля 1856 г., кн. *В. А. Черкасскаго*, ... 1
Обозрѣніе высшаго техническаго образованія въ западной Европѣ, *А. С. Ершова*. 30
Письмо изъ Варшавы, *И. И. Паплонскаго*. 62

СМѢСЬ.

Замѣтки путешественника по славянскимъ странамъ (*окончаніе*), *Ѳ. В. Чижова*. 1
Лазарица, *П. А. Безсонова*. 38
Отвѣтныя письма М. П. Погодину, *М. А. Максимовича*. 80
О способахъ заготовленія провіанта и фуража для арміи и флота, *А. И. Кошелева*. 105

БІОГРАФІЯ.

Воспоминаніе о Д. П. Журавскомъ, *Ю. Ѳ. Самаринъ* . 1
Воспоминаніе о П. В. Кирѣевскомъ, *А. Марковича*. . . 17

Литературное объясненіе.
Отъ издателя.

Къ статьѣ Ѳ. В. Чижова прилагается видъ амфитеатра въ городѣ Пола.

ОТВѢТНЫЯ ПИСЬМА

М. П. ПОГОДИНУ (*).

Письмо первое.

Вчера прочелъ я твой отвѣтъ на мои Филологическія письма. Послалъ еси, господине, великую *тучу художества своего*,— и сказалъ подъ конецъ, что ты на меня *сердишь*.... Ты сердишься, Юпитеръ; слѣдственно неправъ!

1. Посуди самъ: правъ ли ты, напримѣръ, когда, ради своего превосходства передо мною, говоришь: «Кіевскую лѣтопись я зналъ тогда, какъ ты гербаризировалъ еще на Воробьевыхъ горахъ, и *не имѣлъ понятія ни о какихъ лѣтописяхъ*.» Или ты не вспомнилъ, что мы съ тобою, въ 1820—21 году, на однѣхъ скамьяхъ слушали лекціи профессора Гаврилова, читавшаго и толковавшаго намъ *лѣтопись Нестора* (помнишь комедію о *Корлязьхъ*!)? Или ты забылъ роспись о моихъ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ книгахъ, оставшихся въ Москвѣ у автора «Исторіи Русскаго народа», между которыми была и *лѣтопись Нестора* 1-го изданія, съ собственноручными поправками *Ермолаева*? А Кіевскую лѣтопись мы всѣ грѣшные знали долго — только изъ Исторіи Карамзина. Ботаника не мѣшала мнѣ заниматься Русскою Исторіею и Русскою Словесностью.

2. Ты говоришь: «Статьи твои прекрасны, но нисколько для меня не убѣдительны». Жаль; лучше бы мои письма были не прекрасны,

---

(1) М. П. Погодинъ напечаталъ, въ IV книгѣ Р. Бесѣды, возраженіе противъ Филологическихъ писемъ М. А. Максимовича (III книга Р. Б.), который теперь, съ своей стороны, отвѣчаетъ ему.

да для тебя убѣдительны; ибо я для того и потрудился написать ихъ, чтобы убѣдить тебя въ неосновательности твоей нововымышленной системы, и возвратить тебя къ прежнимъ утвержденіямъ, въ которыхъ во многомъ и съ тобою за одно. Для того-тв я въ письмахъ и привелъ тебѣ прежнія утвержденія о глубокой древности малороссійскаго народа въ кіевской «русской землѣ», объ очевидныхъ слѣдахъ малороссійскаго нарѣчія въ языкѣ Несторовой и Кіевской лѣтописей,—утвержденія, противъ которыхъ нынѣ ты уже возсталъ и заговорилъ иное!.... Ты укоряешь меня за это напоминаніе прежняго твоего вѣрованія, и говоришь, будто я сдѣлалъ это только для *эффекта*. Напрасно! Ты могъ бы еще сказать это, если бы я откопалъ какіе-нибудь молодые ученые грѣшки, изъ твоихъ сочиненій студентскихъ, кандидатскихъ, даже адъюнктъ-профессорскихъ. Но я ограничился тѣмъ, что написано перомъ *академика-Погодина*, не ранѣе 1845 года.

3. Нельзя сказать и того, чтобы мои письма были для тебя *нисколько* неубѣдительны: на первый разъ и того довольно, что, по твоему указанію на шишковское *тожество* русскаго языка съ церковнославянскимъ, эта филологическая мечта потеряла для тебя свою *новость*, и что, послѣ моего разбора твоихъ доказательныхъ выписокъ изъ Нестора и Кіевской лѣтописи, ты увидѣлъ уже, что тѣ *слова* и *обороты*, которые ты выставилъ было, какъ «*давно не-малороссійскія* и *не церковныя*, но *чисто великороссійскія*», увидѣлъ уже, что онѣ не таковы! И когда я моимъ разборомъ ебилъ эту грозную рать 72-хъ выписокъ твоихъ и отнялъ у нихъ доказательную силу, ты почувствовалъ себя *безоружнымъ*; и теперь укоряешь меня, за чѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, а взялся за тебя, такого, де—, «простодушнаго Великороссіянина, что самъ открылъ свою грудь подъ удары, и явился на поле сраженія *безоружный*, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые, «сѣдше съ конь, и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочаша». Но за чѣмъ же выскакивать на поле ученой битвы въ такой античной наготѣ? Легко можно попасть въ «баню древяну», какъ написано о древнихъ предкахъ Новогородцевъ: «и будуть пази, и обліються квасомъ усніянымъ, и возмуть на ся прутье младое».

4. Ты все таки повторяешь, что мнѣ *должно* было, по твоему вызову, опровергнуть сперва утвержденія Срезневскаго и Лавровскаго; и непремѣнно хочешь, чтобы у меня съ ними завязался

«горячій споръ». Старыя штуки! Я погнался за тобою, а ты говоришь мнѣ: «Лови ихъ!» А если тебѣ непремѣнно хочется опровергнуть ихъ утвержденія, и не хочешь этого сдѣлать самъ, можешь нарядить и направить кого-либо изъ своихъ *молодыхъ* друзей науки, которыхъ ты преимущественно имѣешь въ виду среди своихъ работъ, на пользу которыхъ ты потрудился и надъ отвѣтомъ своимъ мнѣ. Но ты напрасно даешь такой толкъ, что я потому взялся за разборъ твоихъ новыхъ утвержденій, что мнѣ *легче* было справиться съ тобою, какъ ты называешь себя, *дилетантомъ* въ филологіи, чѣмъ съ тѣми двумя записными *филологами*. Впрочемъ, когда эти, записные по тебѣ, филологи напишутъ что-либо въ пользу твою, я не убоюсь, ниже смущуся, и имъ сказать, и доказать (конечно, можетъ быть, не для нихъ, а для общихъ судей нашихъ, незрящихъ на лица), что найду въ ихъ писаніи несогласнаго съ истиной, на которую ты посягнулъ первый. Или, если не я, то кто-либо другой, поклонникъ ея, я не какой ни есть *маніи*, идетъ ли она съ сѣвера, или юга, съ запада, или востока, все равно.

Мнѣніе Срезневскаго и Лавровскаго, будто малороссійское нарѣчіе и малороссійскій народъ объособились отъ великорассійскаго нарѣчія и народа уже послѣ нашествія татарскаго, а въ до татарское время еще не существовали, ты напрасно объявилъ за *«совершенно новое, никогда никѣмъ прежде у насъ несказанное»*,—и удивился, какимъ образомъ не произвело оно *волненія* въ нашемъ литературномъ и ученомъ мірѣ, въ минуту своего произношенія,—удивился, какимъ образомъ «всѣ наши профессоры русской словесности и славянскихъ нарѣчій не сочли своею обязанностію произнести о немъ свое мнѣніе, одобрить или осудить оное».

Это твое двоякое удивленіе о равнодушіи всѣхъ нашихъ профессоровъ и о спокойствіи учено-литературнаго міра произошло опять отъ того, что ты не слѣдилъ за *исторіею* мнѣній о русскомъ языкѣ и его нарѣчіяхъ, и старое принялъ за новое. А что оно существовало у насъ задолго до разсужденій Срезневскаго и Лавровскаго, то и они тебѣ подтвердить могутъ. Съ своей стороны, для твоего усвоенія, я приведу тебѣ три примѣра. Грачъ, въ «Пространной грамматикѣ,» и еще прежде въ «Опытѣ исторіи русской литературы,» 1822 г., на стр. 13, опредѣлительно говорилъ: «Малороссійское нарѣчіе *родилось* и *усилилось* отъ долговременнаго владычества Поляковъ въ югозападной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ

польскимъ». Будучи профессоромъ русской словесности, я возражалъ противъ этого мнѣнія Гречу, въ моей «Исторіи древней русской словесности» 1839 г. (см. стр. 100).

Граматинъ, въ своемъ достопамятномъ изданіи Игоревой пѣсни 1822 г., говоритъ: «Что за областныя нарѣчія? Ихъ и теперь нѣтъ, кромѣ *малороссійскаго* или *украинскаго*, и развѣ *бѣлорусскаго, составившихся*, когда сіи области отторгнуты были отъ Россіи, вскорѣ *послѣ нашествія Татаръ*» (стр. 85).

Сахаровъ, въ своемъ пространномъ предисловіи къ «Слову о полку Игоревомъ,» (1839), въ возраженіе Давыдову, говоритъ: «Это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ *нарѣчію малороссійскому, еще тогда несуществовавшему*» (т. е. въ XII в.).

А вотъ примѣръ постарѣе: Симоновскій, щегольнувшій *новостью* мнѣній въ 1765 году (въ своемъ «Краткомъ описаніи о малороссійскомъ народѣ»), говоритъ: «Разность же между Великороссіянами и Малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они (т. е., *Малороссіяне*) пришли во владѣніе литовское и польское».

Что я не уклонялся и не уклоняюсь отъ самой крѣпкой филологической силы тому, во свидѣтельство, напомню тебѣ мои возраженія на разныя утвержденія Добровскаго, Павскаго и другихъ; смотри ихъ въ «Начаткахъ русской филологіи». А что ты даешь еще такой толкъ, будто я захотѣлъ тебѣ «*отмстить*, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, за варяго-норманскую схватку,» то вотъ это ужъ напрасно: у меня и въ помышленіи не было объ отмщеніи; не то, я сдѣлалъ бы это еще за десять лѣтъ, по выходѣ твоихъ «Изслѣдованій», 1846 года. Удобнѣйшаго случая и ожидать было не можно. Да и зачѣмъ приписывать мнѣ небывалое побужденіе?... Но мнѣ совсѣмъ нѣтъ того *дубильнаго начала*, чтобы пять или десять лѣтъ выжидать *удобнаго случая* для отмщенья. Мои варяжскія схватки съ тобою, въ 1841 году за славянство Руси, а въ 1845 году за славянство Игоревой пѣсни, были полюбовною борьбою съ товарищемъ молодыхъ лѣтъ моихъ; такъ и теперь, когда ты шевельнулъ меня вызовомъ на Срезневскаго, мнѣ захотѣлось тряхнуть стариной и побороться съ тобою, еще въ третій, можетъ, уже послѣдній разъ. Вотъ одно изъ нѣсколькихъ побужденій, по которымъ я взялся за перо, чтобъ написать филологическія письма къ тебѣ, а не отмщеніе тебѣ, и не робость состязанія съ филологами.

5. Другимъ, и главнымъ, моимъ побужденіемъ было то, что ты, предлагая свою новороссійскую систему, приглашалъ *филологовъ* разобрать ее, по правиламъ ихъ науки, и *поскорѣе* подвергнуть твои новыя мысли филологическому *суду*, и дать имъ—«утвержденіе или осужденіе». Я и, считаясь, между прочимъ, и филологомъ, поспѣшилъ подвергнуть своему суду новыя мысли твои, и, на найдя ихъ совмѣстными съ современнымъ состояніемъ и требованіемъ, уже сложившейся и возрастающей, науки нашей, и не могши по совѣсти дать новымъ мыслямъ твоимъ ни малѣйшаго утвержденія, положилъ своимъ мнѣніемъ: *осудить* твои новыя мысли на затеченье, въ Дѣвичь-польской гривницѣ бывшаго русскаго древлехранилища, «доколѣже солнце сіяетъ и міръ стоитъ». Мнѣніе это пропроводилъ я въ общее собраніе «Русской Бесѣды», которая, «цѣня ученыя достоинства Филологическихъ лисемъ,» напечатала ихъ на всеобщее извѣстіе. Вслѣдъ за тѣмъ «Бесѣда» обнародовала и твой оправдательный Отвѣтъ. А рѣшеніе этому дѣлу послѣдуетъ не отъ тебя, и не отъ меня, а положено будетъ *общимъ мнѣніемъ* старыхъ и молодыхъ друзей нашей науки.

6. Ты называешь мои письма «небезпристрастнымъ разсужденіемъ о дѣлѣ, но «*пристрастною* антикритикою»; называешь способъ моего разбора «методомъ телеграфическимъ», и говоришь о себѣ: «Я не Телеграфъ, а Московскій Вѣстникъ и Москвитянинъ!» Но вѣдь и я не *Телеграфъ*, а только помѣщалъ, между прочимъ, и въ немъ свои розборы, также какъ ты печаталъ свои статьи въ «Библіотекѣ для чтенія, не будучи ею. Что же касается до *Москвитянина* твоего, то развѣ не въ немъ преимущественно и печаталъ свои статьи, отъ начала его и до послѣдняго его года (а впрочемъ, за смерть его не ручаюсь: это тебѣ лучше всѣхъ извѣстно), до моего «Воспоминанія о Н. И. Надеждинѣ?» И такъ меня можно упрекать скорѣе Москвитяниномъ, чѣмъ Телеграфомъ. Въ Москвитянинѣ я почти исключительно помѣщалъ свои статьи, преимущественно критическаго характера, и всѣ до единой съ подписью моего имени, по моему неизмѣнному правилу, ничего не печатать безъименно:

«И по тому, и по тому—
Вамъ подношу и посвящаю!...»

Ты нѣсколько разъ въ отвѣтѣ хвалишься своимъ *примѣрнымъ безпристрастіемъ*, а меня обвиняешь въ *пристрастіи*, и, по поводу еще неизвѣстнаго, гоніальнаго «молодаго человѣка Г.», — ты

говоришь мнѣ: «Видишь ли мое *безпристрастіе*? А ты все тотъ же *щирый Малороссіянинъ*, какъ былъ и прежде».

Вонъ оно куда пошло!
Говорилъ старикъ нашъ Брашевъ,
Прозрѣвая сквозь стекло
Въ темну мудрость иностранцевъ.... (1)

7. Видишь ли, что твое примѣрное безпристрастіе дѣлаетъ меня даже импровизаторомъ! Ты не воздержался даже огласить мой кабинетный споръ съ тобою о разореніи Кіева въ 1169 году.... Но что я «щирый Малороссіянинъ» и теперь, какъ прежде, и буду даже до смерти, это очень естественно; я не отъ рода варяжьска, а отъ малороссійскаго,—и люблю Малороссію, люблю языкъ ея народа, и пѣсни его, и его исторію, какъ во времена *княжескія*—отъ Аскольда до Симеона, такъ и во времена *гетманскія*—отъ Ланцкоронскаго до Разумовскаго. Что я люблю нашъ первопрестольный *Кіевъ* больше, чѣмъ ты, это также естественно: ибо, питая къ нему любовь *общерусскую*, и ближайшую къ нему любовь—*малороссійскую*, — я люблю его еще какъ *родину моего рода*; тамъ, на горахъ, лежатъ кости прадѣда моего, и его прадѣда, *Максима Печерскаго*. У меня и теперь болитъ сердце, когда читаю въ Кіевской лѣтописи: «и грабиша за два дни весь градъ, подолье и гору, и манастыри, и Софью, и десятинную Богородицю: и не бысть помилованія никому же ни откуду же, церквамъ горящимъ, хрестьяномъ убиваемымъ, другимъ вяжемымъ..... » и т. д. Важенъ починъ дѣлу; но мнѣ досадно и на всѣхъ послѣдующихъ разорителей Кіева — на Рюрика, Батыя, Менгли-Гирея, Радзивила. Профессоръ Орнатскій въ Москвѣ: спроси хоть у него, какъ я говорилъ, 1837 года, о раковомъ нашествіи Батыя на Кіевъ, въ моей торжественно-университетской «*Рѣчи* объ участіи и значеніи *Кіева* въ общей жизни Россіи». Потому-то мнѣ чрезвычайно странно было увидѣть нынѣшнее твое новомысліе о малороссійскомъ народѣ, что, вопреки всѣмъ основаніямъ историческимъ, вопреки многовѣчному преданію народному, и вопроки за-

(1) Семидесятилѣтній профессоръ Брашевъ (ум. 1821 г.) читалъ метафизику, держа передъ собою тетрадь лѣвою рукою, во все ея протяженіе, а правой рукой поводя передъ собою большое увеличительное стекло, сквозь которое намъ, слушателямъ, глазъ его представлялся всевидящимъ окомъ. Прочтетъ бывало: «Безусловное условіе всякаго условнаго,» или иную мудреную фразу, да и приговоритъ:

«Вонъ оно куда пошло»

служенному профессору русской исторіи, Погодину,—ты нынѣ отнимаешь у *малороссійскаго народа*, слѣдственно и у меня, первую и лучшую половину его *исторической жизни*, выживаешь его изъ родной «русской земли» куда-то въ Карпаты или подъ Карпаты, на все до-татарское время,—и перекидаешь его оттуда на Днѣпръ уже послѣ Батыя. И когда я прочелъ въ отвѣтѣ твоемъ мнѣ — опять тоже, такъ и почудился мнѣ «Мечникъ *Михно*», говорящій грозныя слова своего князя: «Въ тобѣ стоить все; а не велю ти въ руській земли быти!»

8. Однако, въ отвѣтѣ твоемъ уже не является грозная рать, набранная изъ 72-хъ мѣстъ Несторовой и Кіевской лѣтописи. «Пришли бо бяху высокомысляще, а смиренія отъидоша въ домы свои»!— Теперь ты говоришь уже, что *главное* не *слова* и *обороты*, но *складъ и тонъ*.... Ты убѣгаешь и мысли о возможности переложенія живыхъ, изустныхъ, малороссійскихъ рѣчей на церковный языкъ лѣтописцами южнорусскими. Но я преслѣдую тебя и въ этомъ послѣднемъ убѣжищѣ твоемъ.... И не спасешь ты своего новомыслія троекратнымъ восклицаніемъ: «Живая, живая, живая!»

Вотъ, на примѣръ, тебѣ рѣчь, вставленная въ лѣтописное повѣствованіе: «Самомнѣніе твое, хане, омрачило тя, яко возникнути ножеви. Или ты мниши мене, яко хлопца малоумнаго, прещеніемъ устрешити? Вѣмъ, яко татарскія царства» и т. д. Кто говоритъ, кто пишетъ это? Говоритъ *малороссійскій* гетманъ, Богданъ Хмельницкій, а пишетъ *Малороссіянинъ*, Григорій Гребенка. Нечего и говорить о томъ, что разговорный языкъ былъ совсѣмъ другой. Лѣтописецъ передалъ живую рѣчь гетмана по-церковнославянски, также точно, какъ пѣвецъ Игоря, безъ сомнѣнія, бывшій въ походѣ 1185 года, передалъ *живую рѣчь* своего князя тоже *по церковнославянски*: «Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля половецкаго...» и т. д. Такъ и лѣтописецъ кіевскій, полагаю въ 1186 году, когда Игорь, воротившійся изъ плѣна въ свой Новгородъ-Сѣверскій, пріѣзжалъ въ Кіевъ, передалъ живую рѣчь его по-церковнославянски: «Тайны божія никтоже не вѣсть....» и т. д. Подъ перомъ двухъ древнихъ и одного новаго писателя малороссійскаго — Игорь и Богданъ говорятъ однимъ языкомъ — письменнымъ, на который переложены ихъ живыя рѣчи. Заключимъ ли отсюда, что, такъ какъ народнаго *малороссійскаго нарѣчія* не видно въ ихъ рѣчахъ, переданныхъ лѣтописаньемъ, то и *малороссійскаго народа* не было въ Малороссіи ни въ XII-мъ, ни въ XVII вѣкѣ! Ибо, если по отсут-

ствію народнаго малороссійскаго языка въ лѣтописаньи до-татарскаго времени заключать объ отсутствіи народа въ его землѣ на то время, то слѣдуетъ, на томъ же основаніи, заключать и объ отсутствіи его въ *послѣ-татарское* время. И такъ, *филологическій* твой способъ доказывать небытіе малороссійскаго народа въ кіевской русской землѣ въ древнее время, в о в с е н е г о д и т с я. Ты спачала выступилъ съ *словами* и *оборотами* въ 72 выпискахъ, потомъ уже сталъ называть *г л а в н ы м ъ—складъ* и *тонъ*; все равно, и то, и другое, одинаково не служитъ тебѣ къ утвержденію твоего парадокса; и я у тебя отнимаю окончательно всякую возможность доказывать парадоксъ твой какимъ бы ни было *филологическимъ* способомъ,—и обращу на тебя нареченіе земляка твоего на Сулѣ, тобою на меня направленное: «Ты *языкомъ*-то не якочи!»

9. Ты не хочешь понять, для чего я различилъ тебѣ такъ рѣзко народно-русскія формы и церковно-славянскія въ нашихъ древнихъ памятникахъ. Я сдѣлалъ это для того, чтобы показать большое различіе между *церковнымъ* или *македонскимъ* языкомъ и *народною русскою рѣчью*, различіе, существующее съ весьма древнихъ временъ, и опровергающее собою твое *тожество и ближайшее сродство* церковнаго языка съ великороссійскимъ нарѣчіемъ. *Великороссійское* нарѣчіе состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ *бѣлорусскимъ*, и составляютъ они одну рѣчь или *языкъ сѣверноруссній*, который, вмѣстѣ съ *южнорусскимъ языкомъ* или рѣчью (состоящею въ двухъ главныхъ нарѣчіяхъ — *малороссійскомъ* и *червонорусскомъ*), образуетъ одну великую *рѣчь восточнославянскую* или *русскую*. Вотъ постепенности ближайшаго сродства! Что же касается до позднѣйшаго *сочетанія* съ великороссійскимъ нарѣчіемъ языка церковнаго, ставшаго богослужебнымъ и письменнымъ языкомъ всей Руси, то объ этомъ не для чего было мнѣ и распространяться въ Филологическихъ письмахъ, и я только мимоходомъ упомянулъ о томъ, о чемъ достаточно уже было говорено мною и въ «Исторіи русской словесности», 1839 года, и въ «Начаткахъ русской филологіи», 1848 года. Письменный *русскій языкъ* не только *могъ* развиться, но и дѣйствительно развился, изъ *церковнаго* языка, принятаго у насъ на Руси за письменный языкъ въ 10-мъ вѣкѣ, изъ-за Дуная. Не надо смѣшивать *позднѣйшаго* живаго сочетанія и образованія съ *древнѣйшимъ* различіемъ двухъ нарѣчій, объособившихся въ незапамятное время, независимо и далеко другъ отъ друга. Ты предлагаешь мнѣ любимое сравненіе твое, повторенное и

въ «Изслѣдованіяхъ», и въ «Письмѣ къ Срезневскому», что славянское племя представляетъ «растасованную колоду картъ». Но ты ее перетасовываешь и раскладываешь, какъ вздумается; а наше филологическое дѣло было—собрать ее по мастямъ!

Филологія русская сложилась уже; и для ея дальнѣйшаго возрастанія надобно *живой, положительной истины*; предметъ же филологіи такъ богатъ и неистощимъ живою истиною, что только бери да носи ее—прямо изъ родника! И я удивляюсь, что за охота припала тебѣ поискать *зародышей* истины въ странностяхъ, и гониться за *намеками* на истину въ заблужденіяхъ и превратныхъ толкахъ. Мой достойный землякъ, Лукашевичъ, обратнымъ чтеніемъ словъ, составилъ цѣлую многотрудную систему *Чаромутія*, которая полна зародышей и намековъ.... Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великорессійское *чаромутіе*, основанное не на словахъ, а на тонѣ и складѣ?...

Но шутки въ сторону! Ты въ Отвѣтѣ, послѣ многихъ шутокъ (которыя очень милы), прекресно сказалъ: «Насъ занимать должно одно *дѣло*, бездѣлье предоставимъ историческимъ вертопрахамъ...»

10. Ты говоришь въ возраженіе мнѣ: «Нѣтъ, ка писали Григорій и Іоаннъ, а списывали. Это большая разница!» Но ты забылъ ихъ *послѣсловія*, совершенно достаточныя, чтобы видѣть, какъ они *писали*. Эти краткія послѣсловія, которыя они *писали* въ XI вѣкѣ, для филологіи нашей важнѣе иныхъ позднѣйшихъ фоліантовъ!

11. Ты говоришь мнѣ о Кириллѣ III, Серапіонѣ, Епифанѣ: «Помилуй! Да развѣ они писали по-малороссійски?» Нѣтъ; однако они были Малороссіяне, также какъ и прежде Несторъ, а послѣ Димитрій, Яворскій, Прокоповичъ.., *Малороссіяне*, касомнѣнно; а писали *не на малороссійскомъ языкѣ*. Вотъ что̀ надо тебѣ имѣть въ виду постоянно!

12. Относительно *Володимера* я сказалъ тебѣ, что для малороссійскаго народа онъ — *святый Володимеръ*, и потому у малороссійскаго народа остались священныя, молитвенныя, церковныя пѣсни князю Владиміру, между тѣмъ какъ на русскомъ сѣверѣ поэтическая память о немъ сохранилась, какъ о *ласковомъ гостепріимцѣ*—исключительная черта, какою онъ запечатлѣлся тамъ, конечно, еще въ десятилѣтнее свое княженіе въ Новгородѣ. Ты говоришь мнѣ: «Ссылка твоя на его *святость* ни мало не объясняетъ моего недоумѣнія, потому что есть много у васъ пѣсенъ о святыхъ—о Лазарѣ, Георгіѣ, Алексіѣ божьемъ человѣкѣ и преч.»

Хорошо, что ты сказалъ объ этомъ, для окончанія недоумѣнія. Въ Малороссіи преимущественно слѣпцы лирники поютъ *набо́жные* пѣсни или псалмы о разныхъ святыхъ; но всѣ они позднѣйшаго сложенія, и по складу своему видимо отличаются отъ тѣхъ пѣсенъ народныхъ, какія слагаемы были бандуристами и другими народными пѣвцами о геройхъ Украины козацкой. Псалмы или набо́жныя пѣсни объ Алексіѣ, и другихъ лицахъ, едва ли не всѣ, сложенія грамотнаго, сложаго съ извѣстными псалмами Димитрія. Въ числѣ такихъ есть псалмы и о *святыхъ* нашихъ князьяхъ, *Владимирѣ*, *Борисѣ* и *Глѣбѣ*. Я самъ ихъ слышалъ и заставлялъ пѣть слѣпыхъ *старцевъ* (нищихъ), на переяславскомъ праздникѣ св. Бориса, 2 Мая. О Глѣбѣ и Борисѣ я тогда записалъ себѣ нѣсколько строфъ, но не досольно складныхъ. Весною, 1848 года, по пути изъ Кіева я хотѣлъ было отъ Барышпольскаго слѣпца-бандуриста записать вполнѣ эти псалмы о Борисѣ и Глѣбѣ, и Владимірѣ; но ко мнѣ явилась уже вдова его, тоже слѣпая, у которой я купилъ я бандуру послѣдняго Барышпольскаго бандуриста. И такъ *святость* Владиміра, какъ я сказалъ прежде, поставила его отдѣльно отъ прочихъ героевъ народно-украинскаго пѣснопѣнія; о немъ у насъ церковная пѣснь: «Святый равноапостольный княже Владиміре, моли Бога о насъ!» На эту тему сложенъ и *набо́жный* псалмъ о Владимірѣ, относящійся къ разряду малороссійскихъ пѣсенъ объ Алексіѣ, Николаѣ, Онуфріѣ, и другихъ святыхъ пѣсекъ, не разъ мною слышанныхъ не только отъ слѣпцовъ нищихъ, поющихъ по ремеслу, но и отъ старыхъ людей обоего пола, живущихъ на хозяйствѣ. Нѣтъ ли еще какого недоумѣнія?

13. Ты не хочешь признать моего замѣчанія, что выраженія въ древне-кіевскомъ лѣтописаньи: *на порозѣ*, *на дорогѣ*, принадлежатъ малороссійскому нарѣчію; а по великороссійски было бы сказано: *на порогѣ*, *на дорогѣ*. Но это принадлежитъ къ существеннымъ отличительнымъ примѣтамъ, которыя въ даухъ нарѣчіяхъ русскихъ развились розно, но *послѣдовательно*, по принятому ими однажды (еще въ незапамятную пору ихъ образованія и объособленія) измѣненію *всѣхъ гортанныхъ* звуковъ. Ты, переводчикъ грамматики Добровскаго, не хочешь признать этого различія, и приводишь мнѣ «Во лузѣхъ, во лузѣхъ»! Это измѣненіе гортанныхъ звуковъ во множественномъ числѣ другое, позднѣйшее, занятое подражательно изъ языка церковнославянскаго и не совпадающее съ своенародною нор-

мою великорусскаго склоненія. И мнѣ опять приходится сказать, что надобно и въ филологіи и въ грамматикѣ различать разновременныя формаціи и наносы также, какъ они различаются въ геологіи, какъ я различилъ тебѣ въ древнихъ южнорусскихъ писаніяхъ, что въ нихъ *церковнославянское* и *южнорусское*, принадлежащее подлинному, древнему тексту, и что принадлежитъ позднѣйшему наносу отъ *сѣвернорусскихъ* переписчиковъ, по ихъ нарѣчію, иначе новгородскому, иначе суздальскому. А вѣдь ты же говорилъ лѣтъ за десять: «Вотъ эту филологію я люблю!»

14. Ты говоришь мнѣ: «Въ 10-мъ письмѣ ты пеняешь на меня малороссійскій *кожухъ*»; но это слово *до Татаръ* не встрѣчается, слѣдовательно, мнѣ не принадлежитъ: скидаю!»

А я говорю тебѣ пословицей: «Прошовъ Святый Духъ, опять берись за кожухъ!» Игорева пѣснь написана за полвѣка до *Татаръ*, а въ ней находится: «ортмами, и япончицями и *кожухы*...»

За тѣмъ ты говоришь мнѣ: «*Квасъ* и *медъ*, пожалуй, будемъ пить вмѣстѣ на здоровье».

Вотъ эту филологію я люблю! И за это я угощу тебя *нововымышленнымъ солодомъ*... отличный стадвадцатилѣтній! Посмотри въ Евгеніевомъ словарѣ, Т. II, стр. 322, въ числѣ неизданныхъ *мелкихъ* стихотвореній Ѳеофана Прокоповича, значится: «Благодареніе экономy *Герасиму*, отъ служителей домовыхъ за *нововымышленный солодъ*—отъ Иліи интенданта,—отъ Неймана (жида), отъ учителя, — отъ малыхъ дѣтей, — отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ, 1734 года.» Можетъ быть тебѣ не случалось еще читать этой стихотворной шутки ѳеофановой, написанной имъ въ предпослѣдній годъ жизни, когда онъ страдалъ давнею своею болѣзнью, будучи въ *Карповской пустыни*. Вотъ же тебѣ два отрывка:

Отъ новгородскихъ архіерейскихъ дворянъ.

За честь твоего солоду,
Лобызаемъ твою бороду,
  Батюшко нашъ кормитель!
Никто не можетъ сказати,
Въ якой стала благодати
  Твоя намъ добродѣтель.
Когда трудовъ твоихъ пиво,
Что имѣется за диво,
  Прилежно разсуждаемъ,

Новгородскія шалуги,
Которую пьютъ ярыги,
Весьма ужъ забываемъ.
Да то чудо весьма странно,
Что хотя и непрестанно
Повце изъ бочки льется,
И течетъ по вся недѣли,
А намъ еще и доселѣ
Дивно какъ не прольется!

От козака.

Бѣжитъ жажда прочь, бѣжитъ и печальный голодъ;
Гдѣ твой, отче экономъ, находится солодъ?
Да и чудо онъ творитъ дивнымъ своимъ вкусомъ:
Пьянъ я, хотя омочусь однимъ только усомъ!

Теперь обратимся къ твоимъ *историческимъ* соображеніямъ, которымъ я хочу посвятить особое письмо.

18 Генваря
1857 г.

Письмо второе.

Ты поразилъ меня, любезный академикъ, какъ Минерва Арахну, назвавъ мой филологическій выводъ тебѣ — «злосплетенною паутиною!» А я этою паутиною, какъ цѣлебнымъ средствомъ, заложилъ было свѣжій нарѣзъ на живомъ тѣлѣ науки, въ той надеждѣ, что онъ подемитъ маленько, да и заживетъ ... Переѣдаемся же исторически за нашу первозванную *русскую землю* кіево-переяславскую! Гдѣ сойдемся? Не хочешь ли на несторовской рѣчкѣ *Сожицѣ*, гдѣ былъ побѣжденъ князь Всеволодъ Олегомъ и Борисомъ, шедшими на него съ Половцами, изъ Тмуторакани! Но ты съ Арцыбашевымъ отволъ эту рѣчку куда то въ Черниговское княжество, ужъ не туда ли, гдѣ течетъ *Сафать-рѣка*, величаемая въ пѣсняхъ богатырскихъ!... Надеждинъ съ Неволинымъ замѣчали тебѣ, что «едва ли не вѣрнѣе» положить ее въ княжествѣ Переяславскомъ, какъ полагалъ Карамзинъ, читавшій вмѣсто *Сожица—Оржица*. Я тоже нахожу, что имя *Сожица* въ Несторовой лѣтописи описка

какъ и «*Олминъ* дворъ» «вмѣсто «*Олжинъ* дворъ,—какъ въ твоемъ словарѣ князей напечатана *Льжица* вмѣсто *Льтица* (стр. 135). Хочешь знать, что такое *Съжица*, читай *Сулица*; такъ и теперь зовется оная рѣчка, выходящая изъ Сулы подъ городомъ *Лохвицею*, и впадающая въ Сулу, почти подъ селомъ *Исáчками* (которое въ географическомъ словарѣ названо «Исашкою»); а течетъ Сулица правою стороною Сулы, верстъ на 35. Тамъ издревле пролегала дорога въ Черниговское княжество изъ «поля полонецкаго», начинавшаяся при Ворсклѣ у *Лтавы*, направлявшаяся на городъ *Серебряный*. Согласенъ ли ты?—Вотъ это тебѣ новый подарокъ отъ меня, если мои географическія поправки приносятъ тебѣ такое «дѣтское удовольствіе.» Въ знакъ благодарности за мои послѣднія двѣ поправки (*Росуха* и *Свинýхи*), ты въ Отвѣтѣ послужилъ мнѣ поправкою моей ошибки, что въ *припискѣ* къ тебѣ я поставилъ имя переяславскаго князя *Андрея Юрьевича*, вмѣсто дяди его, *Андрея Володимеровича*, бывшаго переяславскимъ княземъ годами восьмью ранѣе. Точно, я крѣпко ошибся, обмолвился въ торопяхъ! Вотъ что̀ значитъ писать изъ памяти, не справляясь за каждымъ именемъ... какъ разъ попадешь въ просакъ! Я тебѣ весьма благодаренъ за эту поправку. Но ты спрашиваешь при ней: «Квитъ-ли?» Нѣтъ — за *Юрьевича* я поквитаюсь, коли хочешь, также *Юрьевичемъ*. Посмотри въ драгоцѣнномъ «Словарѣ русскихъ князей» (гдѣ они коребраны тобою нарочито и, можно сказать, вдоль и поперекъ), посмотри въ «Спвекѣ князей по удѣламъ»: тамъ, первымъ княземъ въ *Торческѣ* поставленъ у тебя «*Михалко Всеволодовичъ*», а вѣдь надо было: *Михалко Юрьевичъ*! Посмотри еще на оборотѣ того же листка: тамъ *овруцкимъ* княземъ поставленъ у тебя «*Всеволодъ Володимеровичъ*», а вѣдь на умѣ у тебя былъ братъ его, *Святославъ Володимеровичъ*! Тамъ же у тебя сей князь *Святославъ* посаженъ по *Владимирѣ Волынскомъ*, а въ немъ сидѣлъ тогда братъ его, *Всеволодъ*: ты въ торопяхъ обмѣнялъ ихъ княженіями! Видишь: за одного я квитаюсь тремя, взятыми съ одного листка. Я могу, пожалуй, указать тебѣ и въ самомъ концѣ того списка, особенно на *Витебскъ*: зачѣмъ нѣтъ тамъ *Брячислава Васильковича*? Зачѣмъ ты отнялъ у него Витебскъ, даже изъ рунъ кіевскаго лѣтописца въ 1180 году? (см. въ Словарѣ стр. 332). А отъ этого явился у тебя въ Витебскѣ какой-то сомнительный *Василько*, съ вопросительнымъ знакомъ вмѣсто имени по отчеству, тогда какъ

это былъ несомнѣнно *Василько Брячиславичъ*, наслѣдившій Витебскъ посадъ отца своего; и конечно на его дочери «*Васильковиѣ* князя витебскаго», женился князь Всеволодъ Юрьевичъ суздальскій, 1209 года. Но возвращаюсь къ брату его, *Михаилу Юрьевичу*, съ покорнѣйшею къ тебѣ о немъ просьбою: обрати свое вниманіе, для его біографіи, на одинъ подвигъ его, весьма для меня замѣчательный. Съ того 1161 года, какъ Андрей Юрьевичъ Боголюбскій, по властолюбію своему, выгналъ изъ Суздаля своихъ братьевъ, и они, съ матерью своею, поискали себѣ пристанища у греческаго царя, князь Михалко остается у тебя въ *неизвѣстности семь лѣтъ*. Но Кіевская лѣтопись, описывая его побѣду надъ Половцами за Днѣпромъ 1170 года, говоритъ: «Михалка князя удариша ратніи двѣма копьи въ стегно, а третьимъ въ руку; но Богъ, молитвою отца его, избави отъ смерти, *яко же преже въ Луцѣ-моря*». И такъ онъ бился *прежде* съ Половцами въ самомъ *Лукоморьѣ*... И это *прежде*, когда же было, какъ не во время его *семилѣтней* неизвѣстности? Къ знаменитому мстиславовскому походу 1168 г. этого отвести не можно. Мнѣ еще вотъ что вспадало на мысль: не онъ ли тотъ *Михалко-Семилѣтокъ*, о которомъ идетъ извѣстная тебѣ народная украинская сказка, что уходитъ онъ наконецъ отъ несправедливыхъ къ нему Кіянъ—въ Царьгородъ, унося туда золотыя ворота кіевскія?— Стрѣла, пущенная изъ Кіева Михалкомъ-Семилѣткомъ, повторилась и въ великороссійскомъ богатырскомъ стихѣ о *Калинѣ*-царѣ... Помнимъ, кстати, еще одного *Михалка Юрьевича*, не князя, а просто человѣка, который бился съ Половцами на рѣкѣ Каялѣ вмѣстѣ съ Игоремъ Святославичемъ (1185), и не измѣнилъ ему въ тотъ роковой *третій* день, когда пали знамена игоревы... «Быть же свѣтающе *недѣли*; возмятошася Ковуеве въ полку, побѣгоша... и тако не возворотися никтоже, но токмо *Михалко Гюргевичъ*, познавъ князя, возворотися».

Теперь приступимъ къ нашему дѣлу за *русскую землю* кіевопереяславскую, за ея древнее населеніе тѣмъ же *малороссійскимъ* народомъ, который и нынѣ въ ней обитаетъ. Какимъ *историческимъ* свидѣтельствомъ можешь ты опровергнуть эту истину, переходившую изъ вѣка въ вѣкъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и составляющую наше народное убѣжденіе и знаніе?... Какое *историческое* доказательство ты даешь мнѣ на подзору нововымышленной мечты, будто кіевопереяславская русская земля была въ до-та-

тарекія времена населена твоими « кіевскими Великороссіянами » , а послѣ нашествія батыева населилась Малороссіянами, новопришлыми отъ Карпатскихъ горъ?

Я сказалъ уже тебѣ въ Филологическихъ письмахъ , что какъ у насъ, Малороссіянъ, существуетъ убѣжденіе и преданіе, что мы въ своей сторонѣ коренные жильцы съ предковѣку, такъ въ Карпатахъ ведется преданіе о даукраткомъ переселеніи туда Руси — разъ , во время Олегово, изъ Украины днѣпровской , вмѣстѣ съ Уграми ; въ другой въ XIV вѣкѣ , изъ Подолья , съ князьями Коріатовичами. Очевидно , что выводить насъ, Малороссіянъ, отъ Карпатской Руси въ XIII или XIV вѣкѣ , вопреки ходу той Руси отъ насъ туда , означаетъ почти тоже , какъ нѣкогда въ Новѣгородѣ « иде Волховъ всякъ дній пять; се же знаменье не на добро бысть! » Запустѣніе кіевопереяславской земли въ нашествіе батыево , и заселеніе оной новопришлымъ народомъ изъ Карпатъ или инуда ,—два предположенія, совершенно напрасныя. Исторія кіевопереяславской земли , въ вѣкъ Татарщины,—отъ Батыя до Гедимина , примолкаетъ ; и это естественно. Но эта мгла татарскаго столѣтія не должна служить мутною водою для рыболовства на кормленіе всяческихъ историческихъ выдумокъ. По отрывочнымъ извѣстіямъ , какія сохранились о томъ вѣкѣ Татарщины, видно , что въ кіевопереяславской Руси продолжался все тотъ же народъ, и тотъ же старый бытъ народный, въ прежнихъ городахъ и селахъ. Твой предлогъ, что Несторъ оставляетъ Великую Роосію *почти пусту*, я не признаю уважительнымъ, какъ по тому, что и великороссійское пространство по Нестору заселено достаточно , такъ и по тому, что, ради воображаемой тобою почти *пустоты*, не подобаетъ опустошать край населенный; а если тебѣ уже непремѣнно хочется пополнить великороссійское населеніе переселенцами съ русскаго юга , по нашествіи батыевомъ , то ты можешь себѣ , аще совѣсть не зазритъ , забрать хоть Тиверцевъ , Болоховцевъ , даже Дулѣбовъ , которыхъ и имена назнаменовались на великороссійскихъ мѣстностяхъ ; но мы остаемся неподвижно въ своей землѣ, *на корню*, потомками нашихъ предковъ, *Полянъ*, и не хотимъ усыновиться какимъ-то новопришлымъ , по твоей милости , Карпатцамъ ! По поводу моего филологическаго замѣчанія , что и самое наше *украинское* нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственнымъ отросткомъ въ XIII вѣкѣ отъ поднарѣчія *карпаторусскаго* (извѣстнаго намъ въ *двухъ* главныхъ разностяхъ) , ты

говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Но у меня остается еще въ *резервѣ* внутренность Карпатскихъ горъ въ Венгріи, гдѣ нарѣчія еще не изслѣдованы.» Что же это такое у тебя: новая «*Югра*, языкъ нѣмъ... и въ горахъ тѣхъ клычь великъ и говоръ?..» Но на это приходится и мнѣ сказать, какъ сказалъ тогда Несторъ Гюрятѣ: «Си суть людье заключенія Александромъ македонскимъ царемъ!» Съ такимъ *резервомъ*, любезный историкъ, ты не возмешь у меня не только Кіева и Переяслава, но и той «земли *Чуриловщины*», что была противъ Кіева за Черторыей!... Собирайся, коли охота есть, съ новыми силами—и выходи въ другой разъ; но такъ, какъ шли наши князья ко граду Шаруканю: «и оболочившася во броня, и полки изрядиша». И да воспріиметъ ты силу самсонову, мудрость соломонову, кротость давидову, — на разогнаніе тьмы темъ, налегшихъ на нашу южнорусскую исторію въ оный вѣкъ Татарщины!..

А на сей разъ, позволь мнѣ сказать тебѣ, какъ нѣкогда нашъ князь, Изяславъ съ Вячеславомъ говорили приходившему на нихъ и побѣжденному отъ нихъ Юрію: «Кланяевѣ ти ся.... ты намъ братъ еси: пойди же въ с в о й С у ж д а л ь»!

Ты придумалъ было для Малороссіи послѣ-батыевской какое-то особое *козацкое племя*, новосоставленное тобою изъ Волынянъ и Торковъ!! Но я уже запѣтилъ тебѣ, въ Филологическихъ письмахъ, что наше южнорусское козачество не есть особое *племя*. Скажу опредѣлительнѣе. Въ *Украинѣ* обѣихъ сторонъ Днѣпра *козачество* развилось съ XVI вѣкомъ какъ особое *сословіе* малороссійскаго народа, среди прочихъ сословій, т. е., духовенства, шляхетства, мѣщанства, поспольства. На *Запорожьи* (бывшемъ до Татаръ землею половецкою) *козачество* велось и прежде XVI вѣка, до 1775 года, какъ особое войсковое *товарищество*, состоявшее преимущественно и собственно изъ *Украинцевъ*, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ—ихъ языкъ по *нарѣчію украинскому*,—ихъ безусловная непреклонная приверженность къ православной восточной вѣрѣ, названіе куреней Запорожской Сѣчи по именамъ украинскихъ мѣстъ,—личный составъ Низоваго Запорожскаго товарищества преимущественно изъ выходцевъ *украинскихъ* (хотя бывали тамъ и выходцы галицкіе, волынскіе, польскіе, московскіе, волошскіе и другіе); наконецъ, всегдашнее признаніе *Украины* у Запорожцевъ—ихъ *отчизною* Все это—*положительная, историческая достовѣрность,*

противъ которой можно говорить, развѣ только въ смыслѣ украинской пѣсни:

«Мужикъ каже ячмѣнь, жінка́ каже гречка!»

Такимъ образомъ всякое мнѣніе или предположеніе о нашемъ козачествѣ, несходное и разладное съ историческою о немъ достовѣрностью, будетъ напрасно и невѣрно; и только то предположеніе о началѣ сего козачества можетъ быть подходящимъ къ дѣлу, по которому первымъ началомъ *козачества* сего будутъ признаны *Украинцы*. И я тебѣ напоминалъ мою *догадку*, что первымъ началомъ или зерномъ запорожскаго козачества были наши *Тмутараканцы*, по прекращеніи ихъ княжества (въ XII вѣкѣ); эта догадка родилась у меня, когда я былъ въ Таманѣ, и увидалъ тамъ нашихъ *Черноморскихъ козаковъ*, основою которыхъ были остатки прожившихъ Сѣчевиковъ запорожскихъ. Догадка моя, состоятельна она или нѣтъ, нисколько не измѣняетъ собою исторической достовѣрности о запорожскомъ козачествѣ; она есть только дополненіе къ ней, соотвѣтственное ей по своей сущности, и легко къ ней примыкающее. Само собою разумѣется, что говоря о Тмутараканцахъ, я разумѣю преимущественно то *русско-украинское* населеніе нашего тмутараканскаго княжества, для котораго преподобный Кіевлянинъ *Никонъ* и устроилъ тамъ Богородичный монастырь, по образцу Кіевопечерскаго, при церкви св. Богородицы, заложенной Мстиславомъ Володимеровичемъ, 1022 года, по его обѣщанію, данному при единоборствѣ съ Редедею.

Но ты въ отвѣтъ говоришь мнѣ: «Докажи только, что козаки Тмутараканцы, тогда ты услышишь отъ меня: Тмутаракань — Норманская колонія. Вотъ будетъ потѣха-то. не только Русь Норманы, которыхъ ты оспариваешь, но даже козаки, любезные твои козаки, по собственному твоему изслѣдованію, окажутся норманскими правнуками!» Вотъ, что значитъ одностороннее систематическое предубѣжденіе, по которому тебѣ видится норманство или скандинавство во всей нашей древне-русской жизни, до Ярослава включительно, видится и тамъ, гдѣ его не было. Потѣшный, великолѣпный фейерверкъ скандинавскихъ огней, въ видѣ цѣлой ученой системы, ты устроилъ отлично, въ трехъ первыхъ томахъ своихъ «Изслѣдованій». Но для насъ отъ того не утратила живой самоцѣтности своей наша древняя славянорусская жизнь; и она ясна для насъ, не смотря на искуственный свѣтъ вашихъ скандинавскихъ иллюминацій, кото-

рымъ такъ уже насвѣщенъ взоръ твой, что тебѣ и тмутараканское княжество наше кажется — *колоніею норманскою!*... Ты можешь еще полюбоваться наяву своими любезными *Варягами*, на примѣръ, въ ночную тьму страшной Лиственской сѣчи, при той грозѣ, «яко посвѣтяше молонья, блещашеться оружье...» Но вѣдь ты помнишь, что тогда *изъ Тмутаракани* «ломде Мстиславъ на Ярослава съ *Козары* и съ *Касоги*.» Послѣ Мстислава мы видимъ въ Тмутаракани наше *православно-русское поселеніе*, въ столкновеніи съ тѣми же Козарами и Касогами, съ Греками и, пожалуй, Готами таврическими, а за тѣмъ и съ Половцами... И твоя «норманская колонія» разлетается и гаснетъ, какъ потѣшный сноп фейерверочный. Что же касается до обѣщаной тобою потѣшной фантасмагоріи о норманствѣ Запорожскихъ козаковъ, то мы уже *видали* эти *виды!* Вспомни, еще 1834 года профессоръ Сенковскій утверждалъ, что Запорожскіе козаки даже говорили *по-скандинавски!* Не хлопочи же о новомъ открытіи того, что давно изобрѣтено другими! Ожидай отъ меня особаго письма о норманствѣ или скандинавствѣ нашихъ *Руссовъ*. А теперь я обращаюсь къ той исторической силѣ твоей, которою ты дѣйствуешь наиболѣе въ Отвѣтѣ—къ *характеру*. Ты говоришь, на примѣръ: «Мономахъ — не есть ли *чистый характеръ великороссійскій?*» А я на это возражаю: да почему же Мономахъ не есть *характеръ малороссійскій?*... Вѣдь это сказалъ ты только по своему нынѣшнему новомыслію о древнемъ населеніи Украины — «кіевскими Великороссіянами»? А лѣтъ за десять, когда ты держался еще прежней правой вѣры о древнемъ населеніи Украины народомъ малороссійскимъ, тогда (въ своемъ Отвѣтѣ мнѣ 1845 года), ты называлъ *Малороссіяниномъ* даже Андрея Боголюбскаго (питомца и любителя земли суздальской, которому такъ скучно и душно было здѣсь, на Украинѣ, что онъ уходилъ изъ нея въ свой Суздаль, даже противъ воли отцовской!). Въ обоихъ случаяхъ, твое опредѣленіе характеровъ произошло не *историческимъ* выводомъ изъ непосредственнаго наблюденія и разсмотрѣнія двухъ замѣчательныхъ историческихъ личностей, а только *логическимъ* наведеніемъ на нихъ предъуставленнаго тобою понятія. Ты мнѣ опредѣли сперва, что такое называешь ты *чисто великороссійскимъ* и *чисто малороссійскимъ характеромъ* (коли Богъ послалъ тебѣ такое прозрѣніе въ душу и сердце *русскаго человѣка*, сѣвернаго и южнаго,

особливо въ то древнее время, или лучше изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, даже до сего дне), да тогда уже и разрѣшай свои историческія задачи посредствомъ двухъ *характеровъ*; а пока тотъ и другой характеръ остаются еще для насъ съ тобою искомыми *иксами;* я не пріиму отъ тебя историческихъ вычисленій твоихъ на основаніи *характеровъ* предлагаемыхъ.

Ты говоришь мнѣ: «Разсмотри, на примѣръ, убійство Андрея Боголюбскаго во Владимирѣ, послѣдующіе мятежи, обращеніе къ сосѣднему рязанскому князю объ избраніи ему преемника—черты чисто *великороссійскія!*» Я соглашусь, пожалуй, развѣ по тому только, что суздальское населеніе издревле было *великороссійское;* но все таки не *чисто*, а совмѣстно съ населеніемъ *чудскимъ*, которое, претворяясь въ великороссійское, привносило же въ его *чистоту* нѣчто и отъ своей нечистоты, отъ своей природы. Посмотри, однако, и ты, любезный *характѣрникъ*, какъ рѣзко отъ всѣхъ Суздальцевъ, при убіеніи Андреевомъ, отличился тамъ *Кіянинъ Кузмище!* Вотъ онъ тебѣ живой *зародышъ* истины о характерѣ *малороссійскомъ*, взятый изъ дѣйствительности исторической! А тотъ громадный *Нижегородецъ Кузма* — да будетъ онъ тебѣ *плодомъ* исторической истины о народномъ характерѣ *великороссійскомъ*, по которому, если бы древними обитателями кіевопереяславской земли дѣйствительно были *Великороссіяне*, не ушли бы изъ нея они, при нашествіи батыевомъ, куда-то на сѣверъ, за лѣса брынскія, за грязи смоленскія!... Не попустили бы они всякому пришельцу завладѣвать ихъ родимою стороною, благодатною Украиной... И не покинули бы они такъ безучастливо и равнодушно—на произволъ вѣтровъ и враговъ, на четыре вѣка, своего *стольнаго Кіева*, священнаго *для* всего православнаго русскаго міра, какъ Іерусалимъ для всего міра христіанскаго! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Есть ли изъ трехъ сотъ, составленныхъ тобою (въ Словарѣ), біографій удѣльныхъ князей, хоть одна, которая напоминала бы собою Тараса Бульбу, или Петра въ Страшной Мести?»... Для меня чуденъ и самый вопросъ твой. То были князья до-татарскаго времени, лица дѣйствительныя, означенныя лѣтописаньемъ, изъ котораго ты выбиралъ біографіи почти слово въ слово, даже убавляя, а не прибавляя; а Тарасъ, Петро—лица вымышленныя, пересозданныя воображеніемъ поэта, взятыя имъ изъ простолюдья, не изъ княжескаго сословія, и пріуроченныя,

какъ Тарасъ, къ четвертому десятилѣтію XVII вѣка. Конечно, художественная сила необходима историку для воскрешенія давнопрошедшихъ лицъ, чтобы они и современныя имъ поколѣнія народа становились живьемъ передъ очами. Но чтобы художникъ былъ наставителенъ для историка, для того надобно, чтобы онъ со смиреніемъ покорился исторической дѣйствительности и поработалъ бы для нея съ долготерпѣніемъ. А въ творчествѣ нашего великаго художника, Гоголя (пока художество было его жизнію), этого не было: у него и исторія Малороссіи скакала по его волшебной флейтѣ. И если ты, мой любезный *характёрникъ*, составишь *для исторіи* характеристику нашего козачества по Тарасу Бульбѣ, тогда ты отхватаешь намъ такого *козачка*, какого не видалъ и самъ великій гетманъ, Потемкинъ, страстный любитель этого танца! Ты говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Сравни теперь исторію своихъ любезныхъ гетмановъ съ исторіею галицкихъ бояръ, съ исторіею, пожалуй, современниковъ Курбскаго. Онѣ похожи какъ двѣ капли воды!» Извини меня: эти твои «двѣ капли воды» для меня не болѣе, какъ пара словъ! Должно быть ты взглянулъ тогда на исторію нашихъ козацкихъ гетмановъ такъ издалеча, что она слилась для тебя въ одну каплю, и гетманы наши представились тебѣ уже какъ «образы безъ лицъ!» Быть можетъ, что и я подошелъ къ нимъ уже слишкомъ близко, такъ, что мнѣ видны уже ихъ усы и носы, и ихъ общее сходство теряется для меня въ разнообразіи ихъ личностей. Во всякомъ случаѣ, я скажу тебѣ, что въ нашей козацкой малороссійской гетманщинѣ, въ которой на гетманствѣ, съ 1506 и до 1764 года, были лица изъ разныхъ сословій и мѣстъ, изъ князей, шляхтичей, козяковъ, поповичей, изъ Украинцевъ, Сѣверянъ, Волынянъ, Галичанъ, представляется такая разнобоярщина, какой не было и въ древнемъ боярствѣ галицкомъ! При томъ же, козачество Украины и гетманство козацкое составляютъ *особенность* позднѣйшей исторіи малороссійской, съ XVI вѣка; а потому несовсѣмъ удобно и сравнивать ее съ исторіею древнихъ бояръ галицкихъ. Можно бы для сравненія съ ними, пожалуй, взять одноранца ихъ, гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, родомъ изъ шляхетства перемышльскаго: но какая же разница въ этомъ характерѣ отъ бояръ древне-галицкихъ! Впрочемъ, я то сказать, что онъ учился въ Острожскомъ училищѣ, и доучился въ Сѣчи Запорожской. А что ты намекнулъ о современникахъ Курбскаго, конечно, разумѣя

вольможество волынской земли, то сходство весьма можетъ быть съ нею, потому что на гетманствѣ было тогда нѣсколько волынскихъ князей, каковы, между прочимъ: Вишневецкій, Ружинскіе, и т. д. Вообще же сказать, чѣмъ больше нашлось бы сходства между Галичанами, Волынянами, Украинцами всѣхъ вѣковъ, тѣмъ больше подтвердилась бы ихъ принадлежность къ одному *народу южно-русскому*, среди котораго въ *русской землѣ* кіево-переяславской родился, выросъ и скончался нашъ «добрый страдалецъ за русскую землю, Володимеръ Мономахъ», и доблестный внукъ его, Изяславъ, «по немъ же плакася вся русская земля и вси Червіи Клобуци, яко по царѣ и господинѣ своемъ, наипаче же, яко по отци», и храбрый правнукъ Мономаховъ, молодой князь Владиміръ Глѣбовичъ, «о немъ же Украина много постона».

Когда я, въ 1832 году, увидѣлъ землю Донскихъ козаковъ, и вслѣдъ за тѣмъ землю козаковъ Черноморскихъ, мнѣ тогда яснымъ было различіе великороссійскаго и малороссійскаго человѣка въ быту козацкомъ. Когда я послѣ того въ Кіевѣ, на лекціяхъ, разбиралъ подробно народныя пѣсни, великороссійскія и малороссійскія, мнѣ легко было тогда различіе двухъ народныхъ русскихъ характеровъ при воодушевленіи пѣснотворческомъ, и для ихъ означенія у меня тогда срывались съ языка, иногда очень мѣткія слова. И много было мнѣ другихъ случаевъ, для сличенія двухъ русскихъ характеровъ въ разныхъ отношеніяхъ. Но никогда еще не случалось и не удавалось мнѣ означить и выразить ихъ такою опредѣлительною формулою, чтобы я могъ признать ее удовлетворительною и достаточною для разрѣженія по ней всѣхъ историческихъ задачъ о русскомъ мірѣ, сѣверномъ и южномъ.

Ты еще говоришь мнѣ въ Отвѣтѣ: «Радъ поклониться съ тобою Богдану также, какъ и Мономаху: видишь ли мое безпристрастіе, съ котораго и бери примѣръ!» Еще бы ты не поклонился *Богдану*, который, послѣ своихъ тридцатилѣтнихъ козацкихъ подвиговъ на морѣ и сушѣ, отъ Царьгорода до Смоленска, одинъ подналъ на свои плеча великое и многотрудное дѣло освобожденія стольнаго Кіева и всей Малороссіи отъ Поляковъ; одинъ шестилѣтнею войною своею освободилъ ихъ отъ короны польской, и привелъ ихъ снова подъ вѣнецъ Мономаха, доставшійся Москвѣ въ наслѣдіе отъ Кіева:

И Руси древняя столица
Склонилася передъ Москвой,

Какъ вѣнценосная вдовица
Передъ царицей молодой!

Ты объявляешь въ Отвѣтѣ своемъ, что я *кланяюсь* твоему «Хронологическому словарю удѣльныхъ русскихъ князей», изданному 1855 года. Дѣйствительно, я любовался и любуюсь имъ, какъ прекрасною историческою мозаикою, и разглядывалъ его, какъ самъ видишь, съ большимъ вниманіемъ. Я люблю въ русской исторіи ту *систему*, къ которой стремился нашъ безсмертный Карамзинъ, сказавшій: «Я желалъ преданное намъ вѣками соединить въ систему ясную стройнымъ сближеніемъ частей...» Въ духѣ той системы была и твоя мозаическая работа надъ Словаремъ древнерусскихъ князей; и я сердечно желалъ бы, чтобъ ты еще разъ *утеръ пота* надъ нимъ; чтобъ ты посвятилъ ему еще одинъ такой же затворническій долгій присѣстъ, для новой окончательной обработки его, для новаго, неспѣшнаго его изданія, на всегдашнее руководство будущимъ поколѣніямъ друзей русской исторіи. То была бы безсмертная книга, лучшая всѣхъ многочисленныхъ книгъ, тобою написанныхъ!

Написавши все это тебѣ въ отвѣтъ, я еще разъ прочелъ твой Отвѣтъ на мои Филологическія письма, и удостовѣрился, что уже отозвался почти на все, что̀ требовало съ моей стороны возраженія и объясненія. Въ дополненіе, мнѣ можно еще повиниться передъ тобою, что я, въ твоемъ примѣчаніи о *Добрынѣ*, отнесъ словцо «*нѣсколько*» къ послѣдующему имени «славянское», а надо было отнести его къ предыдущему глаголу «противорѣчитъ»,—какъ вижу теперь, изъ твоего Отвѣта. Но моя *отибка* была неумышленная, которая, по пословицѣ, «въ фальшъ не ставится». Произошла же она, конечно, по настроенности моей мысли твоими утвержденіями, что сестра Добрыни, *Малуша*,—Норманка, и что ея имя есть норманское *Малфридь*, съ перемѣною только окончанія на славянское; что въ именахъ *Боричъ*, *Синко* «можетъ быть есть только славянское подобозвучіе»; и что «только имена убійцъ глѣбовыхъ (*Путьша*, *Талецъ*, *Еловитъ*, *Горясѣръ*) звучатъ, кажется, *болѣе* по-славянски»! (с. 127). Такъ мнѣ и показалось, что у тебя и *Добрыня* полагается именемъ только отчасти, «*нѣсколько* славянскимъ». Съ удовольствіемъ вижу теперь, что оно и прежде казалось тебѣ вполнѣ славянскимъ!... Вотъ хорошо было бы, если бъ ты и имя *Малуши* тоже призналъ вполнѣ славянскимъ, отъ имени

отца ея, *Мала* (уменьшительно *Малка*), а также и имена: *Боричъ* (отъ коего *увозъ Боричевъ*) и *Синко*. А что имена *Путьша*, *Талецъ*, *Еловичь(-ть)*, *Горяславъ*—звучатъ не «кажется, болѣе», но именно вполнѣ *по-славянски*, въ этомъ, я полагаю, и самъ ты уже убѣжденъ нынѣ. Попрошу тебя еще выключить изъ твоего списка *скандинавскихъ* словъ, наши природныя *славяно-русскія* слова: *мужи*, *люди*, *гости*, *огнищане*, *рядъ*, *станъ*, *луда*, *гридь*, *лодья*, *цѣжь*. Конечно, этимъ ослабится нѣсколько одно изъ пяти *сильнѣйшихъ* твоихъ доказательствъ скандинавства Руси—*языкъ*; но вѣдь ты одинъ изъ самыхъ искреннихъ искателей истины?... При этомъ, я повторю сказанное нѣкогда мною, въ послѣсловіи къ книгѣ: «Откуда идетъ русская земля»: «Тяжело отставать отъ привычныхъ понятій, которыя иногда наглухо срастаются съ нашею мыслію, но кто бы напередъ не пожертвовалъ своимъ личнымъ мнѣніемъ, не разстался съ своею новою системою, съ любимою мечтою, при одной мысли, что то будетъ благопріятно *истинѣ*, для которой и работаютъ *ученые*?» (стр. 79).

Я не теряю надежды, и непремѣнно хочу, возвратить тебя отъ твоей новороссійской системы къ прежнему историческому понятію нашему.... Ты не призналъ этой цѣли въ моихъ Филологическихъ письмахъ, и приписалъ ихъ моему небывалому намѣренію «отмстить» тебѣ. Такъ я же отану дѣйствовать на тебя посильнѣе тѣмъ именно, чего не залюбилъ ты: напоминаніемъ того, что писалъ ты за десять лѣтъ, — въ «Изслѣдованіяхъ». Ты не залюбилъ моего напоминанія, и сказалъ, что это сдѣлано мною только для-эффекта... А самъ, приступая, въ «Изслѣдованіяхъ», къ «апоѳеозамъ» археографа *Строева*, не съ того ли ты началъ, что выписалъ прежнія утвержденія его о Несторѣ, выраженныя при изданіи Софійскаго временника (1820), и потомъ воскликнулъ: «Кто бы повѣрилъ, что этотъ же изслѣдователь, чрезъ нѣсколько времени, будетъ писать вотъ что, въ своемъ знаменитомъ «Хронологическомъ указаніи...» (I. 465). Черезъ «нѣсколько времени», т. е., черезъ 16 лѣтъ! Новое понятіе археографа, приставшаго къ скептической школѣ Каченовскаго, конечно, было и въ немъ, какъ и въ самомъ Каченовскомъ, уклоненіемъ отъ прямаго пути историческаго. Но развѣ не то же случилось и въ тобою теперь, въ новороссійской твоей системѣ, о которой скажу, какъ сказалъ тогда ты о Морошкинѣ, напоминаніемъ словъ твоего «неумолимо своенравнаго» вдохновителя: «Но неволѣ вспомнишь Шле-

цера, и скажешь, что видно, послѣ всякихъ *трехъ* шаговъ впередъ, на поприщѣ исторіи, намъ на роду написано ступать по *два* назадъ!» (II. 211.) Вотъ же ты и ступилъ *два* шага назадъ: одинъ—въ *тожество* церковнославянскаго языка съ великороссійскимъ; другой—въ древнее заселеніе Украины «кіевскими Великороссіянами», и въ новое заселеніе оной выходцами карпатскими! Я хотѣлъ вызвелить тебя на прежній путь истины; а ты сказалъ, что я хотѣлъ тебя столкнуть въ *яму* ... И не ужъ ли же мнѣ изъ-за этого пожалѣть, что я къ тебѣ написалъ «Филологическія письма», какъ ты въ «Изслѣдованіяхъ», преслѣдуя скептиковъ, воскликнулъ: «И зачѣмъ я переводилъ Эверса и Неймана!»

Въ заключеніе третьяго тома «Изслѣдованій», въ послѣсловіи, ты раздалъ въ удѣлъ разнымъ ученымъ мужамъ разные народы, а о себѣ сказалъ: «Я на свою долю взялъ и разсмотрѣлъ Норманновъ—quiescant in pace!» Но ты вспомни, любезный историкъ, что въ 1044 году, по волѣ ярославовой, «выгребоша два князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею....» (для того, чтобы опѣ не истлѣли во тьмѣ язычества). Не упокоятся же и любезные тебѣ Норманы въ трех-могильной тьмѣ твоихъ «Изслѣдованій», не смотря на твое зачураніе, и на твою неистовую критическую тризну! Наука не разъ еще поворошитъ ихъ кости, для обращенія въ лучшій свѣтъ истины!... Раздавая въ удѣлъ ученымъ мужамъ разные народы на изслѣдованіе, ты сказалъ тамъ: «О Болгарахъ законные судьи—молодые профессоры славянскихъ нарѣчій, гг. Бодянскій, Срезневскій, Прейсъ, Григоровичъ.» Вотъ я, сойдясь съ тобою на *поль истины* филологической, и принесъ тебѣ послѣднія слова твоего перваго «законнаго судьи», слова о ближайшемъ сродствѣ церковнославянскаго языка съ болгарскимъ! Но ты въ Отвѣтѣ остался недоволенъ и опредѣленіемъ самаго его, и сказалъ, что я напрасно его словами подтверждаю свое мнѣніе. Къ кому же, наконецъ, прибѣгнуть мнѣ, какъ не къ тебѣ же, о мой сердитый Юпитеръ!... Но прочь миѳологія, и Скандинавія, и «Изслѣдованія».... Беру прежнюю твою, вступительную книгу, освященную именемъ нашего безсмертнаго, смиренно-мудраго кіевскаго лѣтописца,—беру твою книгу «*Несторъ*», М. 1839. Тамъ, въ концѣ (стр. 226), сказалъ ты: «Разсмотрѣть Нестора, какъ писателя, я предоставляю г. *Шевыреву*; разсмотрѣть языкъ его—г. *Бодянскому*, ибо для этого нужно знать болгарское нарѣчіе и малороссійское, кои знаю я недостаточно.» Вотъ

здѣсь говоритъ *русская душа Погодинъ*, отвратившій на время взоръ свой отъ образины шлецеровой.... И задача о Несторѣ, какъ писателѣ, исполнена была въ *седмой* лекціи Шевырева такъ удовлетворительно, какъ только можно было ожидать. И какъ мнѣ отрадно было увидѣть, что она окончена твоимъ заключеніемъ лекцій о Несторѣ, читанныхъ къ Ноябрѣ 1837 года, заключеніемъ, положеннымъ въ конецъ твоей книги; что въ концѣ обѣихъ вашихъ лекцій воспомянулись и мои слова о Несторѣ, изъ послѣсловія къ книгѣ о Русской землѣ, написаннаго 8 Ноября, 1836 года.... Шевыревъ повторилъ слова твоей лекціи: «Поставимъ мы.... не портретъ, но освященный *образъ* нашего перваго лѣтописателя, Нестора... мы будемъ молить его, чтобъ онъ подавалъ намъ собою примѣръ трудиться, не для удовлетворенія своего бѣднаго самолюбія, не изъ угожденія своимъ мелкимъ страстямъ, а въ духѣ того *смиренномудрія*, которое внушило ему эти прекрасныя слова, по замѣчанію одного изъ монхъ товарищей: «Азъ грѣшный Несторъ, иній всѣхъ въ монастырѣ блаженнаго отца всѣхъ Ѳеодосія,» — трудиться въ духѣ горячей любви къ отечеству, съ искреннимъ желаніемъ научиться и узнать истину.»

Въ духѣ этого любознанія, возобновляю твое давнее желаніе, и усугубляю оное моимъ благожеланіемъ, чтобы и другое твое порученіе тоже исполнилось, т. е., чтобы г. профессоръ Бодянскій потрудился написать въ «Русскую Бесѣду» свое мнѣніе о языкѣ Несторовой лѣтописи, а также Кіевской и Волынской (неправильно названныхъ Ипатьевской).... ему филологу—и книги въ руки!

Михайлова гора,
8 Февраля 1837.

М. Максимовичъ